Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «…жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно…». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды…».

Однажды в колодце

Помню заброшенный деревенский колодец. Заглядываю внутрь, на дне вижу воду, а в ней свое отражение. Стараюсь показать себе смешные рожицы, теряю равновесие и падаю вниз. Воды немного, едва до колена, она мутная и грязная. Прикасаюсь к стенкам колодца, чувствую холодную слизь деревянных подгнивших брусьев, пытаюсь выбраться и снова падаю в грязную воду, чувствую ил между пальцев ног, понимаю, что здесь умру, начинаю кричать от страха и просыпаюсь…

Этот сон преследовал меня с пяти лет. В юности он снился всего пару раз. Став совсем взрослой, я видела его ежемесячно. Мои попытки выяснить у мамы про деревню, которую могла посетить в детстве, или заброшенный колодец, всегда оставались без результата, поскольку она утверждала, что я родилась через год после смерти бабушки, жившей в деревне, поэтому никогда не уезжала из нашего города. Однако картинки и запахи из моего сна были совсем как настоящие, будто все произошедшее когда-то случилось на самом деле. Мама даже водила меня на гипноз, пыталась выяснить природу моих сновидений у психологов. Специалисты озвучивали разные версии, по типу моей внутренней скованности, страха перед новыми знакомствами, возможными проблемами с сердцем, но все в один голос резюмировали: сон нужно просто забыть, тогда он сам исчезнет. После того как я в третий раз услышала этот совет, наотрез отказалась посещать каких-либо специалистов и говорить на эту тему с чужими людьми.

Во всем остальном я была обычной девчонкой – озорной эмоциональной хохотушкой. Если что-то обожала, то всем сердцем, если сострадала героям любимых индийских фильмов, то без стеснения плакала вместе с ними, сидя в кресле кинотеатра. Мне

нравилось на семейных торжествах петь песни со взрослыми, перед новогодними праздниками лепить пельмени с мамой, ходить с родителями в лес за грибами и ягодами. Когда от старости умер мой любимый кот, целый месяц носила черные банты в знак траура. У меня всегда было много друзей. Их номера телефонов с трудом помещались в три записные книжки.

После школы я поступила в институт экономики и права на юридический факультет. На первых занятиях по теории государства и права стало понятным, кто пришел в юриспруденцию по велению сердца, а кто просто перепутал аудиторию. Я была из второй категории. Перед нами выступали элегантно одетые возрастные мужчины и женщины с русскими именами, но, когда произносили понятия и определения, мне казалось, это было на китайском языке. Лишь один из нас оживленно участвовал в диалогах с преподавателями, остальные производили впечатление глухонемых людей, сидящих с открытыми ртами, непонимающих ни одного слова. После всех лекций я поняла одно, что выбрала не ту профессию, не смогу разобраться в этих странных науках, но родители до начала занятий уже оплатили год моего обучения. Это напоминало западню. Придя домой после очередной лекции, на вопрос родителей: «Как дела?» – я не могла выдавить и слова, просто села и заплакала.

При виде их перепуганных лиц мне стало стыдно за свою слабость. Чтобы собрать деньги на учебу, отец взял на работе беспроцентную ссуду, которую нужно было отрабатывать целый год. Мама к первому сентября купила мне три деловых костюма и кучу шикарных блузок, с пометкой – для будущего адвоката. А я, столкнувшись с первыми сложностями, раскисла как кисель. Перестав разводить сырость, я ответила, что все в порядке, просто якобы потеряла часы, подаренные мне на день рождения. Мама ответила, что видела их утром в шкатулке, поэтому нет причин для слез. Позже мне пришлось разыграть невероятную радость от непотерянной находки. Себе тогда я дала зарок – никогда не огорчать родных. Мне пришлось многое пережить, прежде чем его нарушить…

Имея организаторские способности, я смогла стать старостой группы. С удовольствием занималась общественной работой. Для получения «автоматов» на зачетах и опросах сидела за первой партой, готовила рефераты, выступала с докладами на дополнительных занятиях. Со временем стала разбираться в тарабарщине, которой нас учили, появились успехи, похвала преподавателей. Потихоньку все вокруг стало дарить мне ощущение радости и счастья, за исключением того сна, который иногда все же посещал меня ночью.

После успешного окончания второго курса ко мне стал проявлять интерес тот самый парень, который с первых наших занятий производил впечатление грамотного студента. Его звали Алексей. Он был сыном известных в нашем городе высокооплачиваемых адвокатов. С легкостью жонглировал понятиями, наизусть цитировал статьи законов, учился хорошо, особо не напрягаясь. Был дерзок в общении, всегда подчеркивал свое непростое происхождение, особый склад ума, за что с преподавателями часто вступал в конфликты. Но бесшабашный, яркий, колючий на язычок, он очень нравился девчонкам. Поэтому, когда Алексей выбрал меня и предложил быть вместе, я с удовольствием согласилась. Несмотря на то, что лучший студент нашей группы не понравился моим родителям, а я его, наш роман развивался стремительно. После четвертого курса адвокатская чета купила отпрыску шикарную квартиру, в которую мы переехали осенью того же года. Моему счастью не было предела. Мы не расставались днем и ночью. Вместе готовились к лекциям, писали доклады. Ужинали в кафе, гуляли в парке, мечтали о карьере.

Закончив вуз, мы поженились. Я смогла устроиться юристом в риелторскую компанию, Леша пошел работать в адвокатскую фирму своих родителей, которые наотрез отказывались признавать наши отношения, и уж тем более участвовать в моей судьбе. Деловые связи, нужные люди, важные переговоры, запах алкоголя стали постоянными атрибутами ночной ресторанной жизни молодого начинающего адвоката. Когда Леша стал пропускать процессы, путать документы, забывать исполнять требования судей, я забила тревогу. Но разговор с мамой Леши у меня не сложился. В трубке я услышала лишь упреки, произнесенные ледяным тоном. Причину запоев сына мать видела только во мне – неудачнице крестьянского происхождения, которая портит жизнь талантливого юриста. Отец Леши высказал примерно такое же мнение. Своим родителям я жаловаться не стала, мой избранник и так вызывал у них стойкое раздражение. На семейных торжествах, присутствуя в одиночестве, я отшучивалась, что Леша занят и не может бросить клиента ради нашего торжества. Но родители видели, что в моей жизни что-то идет не так…

Каждое утро Леша клялся, что больше не будет пить, но наступал вечер, и ресторанные огни манили ярче, чем мягкий теплый свет нашей кухни. Иногда, возвращаясь с вечеринки домой, Леша засыпал в такси, и мне приходилось волоком тащить его домой, чаще он стал «отрубаться» за столом питейных заведений. Грязный, вонючий он на четвереньках доползал до нашей постели и одетый заваливался спать. А утром снова были клятвы, вечером – пьянки и ведра с рвотой…

После двух лет жизни в таком режиме я не выдержала, собрала вещи и ушла. Родителям сказала, что должна подумать о планах на жизнь. Через месяц ко мне заявилась мама Алеши и со слезами на глазах просила вернуться. После очередного

уголовного дела, в котором Леша с родителями помог выпутаться известному человеку из уголовно наказуемых неприятностей, мой муж стал пить каждый день. Мама твердила, что это просто работа, которую нужно делать без лишних угрызений совести, но я наконец-то поняла, что творилось в душе моего принципиального все еще любимого человека. Мое сердце дрогнуло, я вернулась туда, где мы когда-то были счастливы. Открыла своим ключом дверь, передо мной была жуткая картина: всюду валялись пустые бутылки, шторы на кухне были оборваны, воняла испорченными продуктами, на полу возле туалета лежал мой суженый. Я определила Лешу в анонимную платную наркологическую клинику. Его отец очень боялся огласки, поэтому без труда оплатил все расходы. После первых дней лечения у Леши начались агрессивные припадки, которые сменились глубокой депрессией. Он то проклинал родителей, то плакал и просил у кого-то прощения, иногда наотрез отказывался меня видеть. Родители Леши на выписку не пришли. Отец презирал своего сына, называл его слабаком, позорившим репутацию семьи. Мама тоже не стеснялась в выражениях.

После первого лечения наступило улучшение. Мы снова стали гулять по нашему парку, вместе готовить ужин и мечтать об отпуске. Но однажды на прогулке к нам подошел хорошо одетый мужчина. Лицо его было знакомым, но имени его я не вспомнила. Мужчина, увидев Лешу, разулыбался, похлопал по плечу и поблагодарил за хорошую работу. Муж стоял как вкопанный, он отбросил руку собеседника и грубо ответил, что тот все равно сядет в тюрьму. Мужчина сделал вид, что ничего не услышал, отвернулся и пошел по своим делам. После этой встречи все началось сначала. Я предложила уехать на время в деревню, где у нас остался в наследство бабушкин домик. Но Леша кричал, что не может уехать от себя. Однажды утром, после очередной пьянки, я вылила в раковину пиво, которое должно было послужить «лекарством». Леша набросился на меня как раненный зверь и жестоко избил. Увидев мое разбитое лицо, он опомнился и отскочил от меня. В оцепенении он смотрел на свои руки, которые были в моей крови, и стал бормотать, что не хотел причинить мне боль. Я забилась в угол кухни и не знала, что делать дальше. Муж вдруг вскочил и стал метаться по кухне. Сначала я думала, он ищет бинты, но ошиблась. Он вытащил бутылку и, не прочитав состав, выпил содержимое. Это оказался яблочный уксус…

Дальше все было как в тумане. Я оказалась в травматологии, он – в реанимации. Мои ушибы и ссадины зажили через месяц. У Леши был ожег 80 процентов внутренних органов. В полиции мне так и не удалось ответить на вопрос, нарочно Леша выпил уксус или это была случайность, мне это самой было неизвестно. В палату к мужу меня пустили через месяц. Худой, изможденный, весь в каких-то трубочках и капельницах. Он посмотрел на меня, и я заметила, как по его щекам текли слезы. На вопрос что ему принести в следующий раз, он прохрипел – Молитвослов. Леша никогда не отличался религиозностью, но спорить я не стала. Мой сон стал реальностью. Я – молодая перспективная умница, которая всем сердцем мечтала о любви как о глотке воды из родника, окончательно упала на илистое дно своей семейной жизни и никак не могла

оттуда выбраться. Еще через три месяца Леша умер…

Несмотря на то, что я не имела прав на квартиру, в которой мы жили с Лешей, его родители оформили дарственную на меня. Они объяснили, что таково было последнее желание их сына. Мои родители предложили съездить в деревню, посетить наш домик, окунуться в мир природы и одним словом – сменить обстановку.

Нас радостно встретили бабушкины соседи, которые присматривали за домом. Помогли обустроиться. После посещения сельского магазина к вечеру все село знало, что к ним приехала погостить городская родня бабы Глаши, которую любил и помнил весь поселок. За праздничным столом мне рассказали деревенскую историю, больше похожую на легенду. Как однажды неподалеку одна маленькая девочка упала в колодец, но спаслась потому, что все время молилась и верила в чудо. Когда вечером мы с мамой мыли посуду, она поведала, что действительно однажды дочь председателя местного колхоза бегала без присмотра по деревне и свалилась в заброшенный колодец. Она могла умереть, если бы не моя бабушка, которая проходила мимо. Баба Глаша тогда была молодой, но очень отважной девушкой. Увидев, что девочка захлебывается в мутной воде, она бросила веревку вниз, спустилась и вытащила перепуганную продрогшую проказницу. Но с тех пор эта деревенская драма потеряла имена ее участниц и обросла небылицами.

В ту ночь я не смогла уснуть, в голове крутились картинки моей жизни, и эта история с бабушкой, напоминающие мой страшный сон. Пока я жила в деревне, обновила памятник на могиле бабушки и засыпала тот самый заброшенный колодец, которые долгие годы во сне не давал мне покоя. К тому времени вода в нем зацвела, а бревенчатый короб окончательно сгнил. С тех самых пор я больше не видела этого страшного сна, может, потому, что все же выбралась из своего колодца, а может, потому, что до сих пор верю в лучшее и мечтаю о любви, как о глотке воды из родника. Хотя мне уже исполнилось тридцать три года…

Ариша ЗИМА